

УДК 82-2
ББК 83.3 (2Рос=Рус)1-8 Чехов А.П.

О.В. Спачиль

**«ВИШНЁВЫЙ САД»
А.П. ЧЕХОВА И САДЫ
РОССИЙСКОГО ЮГА
В КОНЦЕ XIX –
НАЧАЛЕ XXI В.**

Начиная со второй половины XIX в. в русской художественной литературе (Л.Н. Толстой, В.И. Немирович-Данченко, А.П. Чехов, И.А. Бунин, И.С. Шмелев) находила отражение тема варварского уничтожения деревьев, снятия вековых запретов на рубку садов и плодовых деревьев. Пьеса А.П. Чехова «Вишнёвый сад» в статье рассматривается как V действие, или пролог, ко всей последующей истории России, где немедленная прагматическая выгода, как и в случае с планом Лопахина, продолжает прельщать и одерживать верх. Закономерно возникают Апокалиптические параллели, свидетельствующие о том, что человек на сегодняшний день не справляется со своей вселенской миссией творца, создателя и хранителя Едемского сада.

Ключевые слова: А.П. Чехов, вишнёвый сад как реалия культуры, Юг России, сад, плодое дерево.

Спачиль Ольга Викторовна – канд. филол. наук, доцент, кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии, Кубанского государственного университета
Тел. +7-918-397-4405
E-mail: spachil.olga0@gmail.com

© Спачиль О.В., 2014.

Вишнёвый сад для российского Юга XIX в. – сложная реалия, имеющая бытовые, географические, культурные и фольклорно-мифологические стороны. Вишнёвый сад – прежде всего фруктовый сад, непрменный атрибут дома, усадьбы, хутора, что совершенно естественно в жарком климате, где посаженные рядом с домом фруктовые деревья выполняют несколько жизненно важных функций – одновременно и кормят, и укрывают от зноя. Вишнёвый сад – это отчий дом, укрытие, убежище, место раздумий и романтических встреч, место последнего пристанища на земле – кладбище, неразрывно связанное с идеей о возрождении, браке, воскресении в новом качестве. Вишнёвый сад – зримое напоминание об утраченном рае, его прообраз. Вишнёвый сад вошел в контекст чеховской прозы как сложная культурная реалия, что и позволило этому образу стать, благодаря Чехову, «элементом национальной мифологии» [Катаев, с. 12–13].

К.С. Станиславский в своих воспоминаниях пишет о том, как Антон Павлович с волнением и радостью сообщил ему, что нашел чудесное название для пьесы: «Вишневый сад. Послушайте, это чудесное название! Вишневый сад. Вишневый!». Через некоторое время писатель уточнил: «Послушайте, не Вишневый, а Вишнёвый сад, – объявил он и закатился смехом.

В первую минуту я даже не понял, о чем идет речь, но Антон Павлович продолжал смаковать название пьесы, напирая на нежный звук “ё” в слове “Вишнёвый” <...>. На этот раз я понял тон-

кость: “Вишневый сад” – это деловой, коммерческий сад, приносящий доход <...> Но “Вишнёвый сад” дохода не приносит, он хранит в себе и в своей цветущей белизне поэзию былой барской жизни» [Станиславский, с. 557–358].

Название пьесы логично и закономерно для человека, выросшего на Юге России, где удивительным образом переплелись культуры разных этносов. С одной стороны, вишнёвые сады как всякая вещь материального мира существовали в реальной жизни людей на Юге России – в Малороссии, Донских степях, на Кубани. С другой стороны, вишнёвый сад как явление, принадлежащее бытовой и духовной культуре, имел такие этнокультурные особенности, которое сделали соответствующее словосочетание практически непереводаемым на иностранные языки, требующим описания и объяснения. Для человека, говорящего по-русски, кажущаяся простота и доступность понятия «вишнёвый сад» породила ряд неадекватных интерпретаций и ложных толкований в филологической науке.

Вишневые сады для малороссов, жителей Кубани и Юга в целом были дорогим сердцу символом. Здесь уместно вспомнить не только южан по происхождению – Н.В. Гоголя, Т.Г. Шевченко, В.П. Ключникова, И.Н. Потапенко, но и тех, кто, живописуя Малороссию, Юг не мог обойти этот образ. От стихотворения А.К. Толстого «Ты знаешь край, где все обильем дышит, / Где реки льются чище серебра, / Где ветерок степной ковыль колышет, / В вишневых рощах тонут хутора» [Толстой А.К., с. 53] до служащего на Кавказе Сверчука, персонажа повести Вас. И. Немировича-Данченко, мечтающего о вишневых садах украинского хуторка [Немирович-Данченко, с. 216, 238, 252].

Любил ли Чехов вишневые деревья? Вопреки мнению некоторых литературоведов, мы утверждаем, что да, любил и хорошо понимал, как можно по ним скучать на Сахалине: *«Едуци со мной г. Б. жаловался мне, что он сильно тоскует по Малороссии и что ничего ему так не хочется теперь, как посмотреть на вишню в то время, когда она висит на дереве»* (XIV–XV, 198)¹.

Только непониманием южного контекста комедии можно объяснить мнение серьезных ученых, заявляющих, что «в творчестве Чехова не обнаруживается авторское отношение к вишням как к прекрасным деревьям и особой любви писателя к ним. Более того, это дерево в повести “Степь” ассоциируется со смертью даже в пору цветения» [Долженков, с. 39]. Исследователи доказали, что чеховские сады – всегда одновременно кладбища (см. работы Е.В. Секачевой, А.В. Королева, М.Ч. Ларионовой, Л. Димитрова). Обычай хоронить под плодовыми деревьями или сажать на могилах плодовое дерево был широко распространен среди южных и восточных славян. Для южан вишневый сад – желанное место упокоения. Герои украинского песенного фольклора не только завещают себя похоронить в вишневом саду, но еще и посадить на могиле калину или какое-то другое привлекательное для птиц дерево. Как в этой песни из собрания М. Вовчка: *«Ой умру я, мій миленький, умру, / Зроби мені*

кедровую труну, Зложи на сене лянү сорочку, / Положи мене в вишневім садочку. / Висип мені високу могилу / І посади червону калину. / Ой хто буде калину ломати, / То той буде мене споминати [Народні пісні, с. 72]. Такие похороны – залог будущего воскресения. Именно поэтому Егорушка в «Степи» думает о том, что под вишнями день и ночь спят его отец и бабушка, кладбище представляется уютным, а белые кресты и памятники выглядят «весело» (VII, 14). Впечатления героя «Степи» созвучны настроению самого А.П. Чехова. Показательно в этом смысле описание похорон брата Николая в письме к М.М. Дюковскому от 24 июня 1889 г.: «Похороны были великолепные. По южному обычаю, несли его в церковь и из церкви на кладбище на руках, без факельщиков и без мрачной колесницы, с хоругвями, в открытом гробе. Крышку несли девушки, а гроб мы. В церкви, пока несли, звонили. Погребли на деревенском кладбище, очень уютном и тихом, где постоянно поют птицы и пахнет медовой травой». На Луке, где похоронен Николай Чехов, возле кладбища и сегодня растут вишни.

Чехов любит деревья вообще. Герои, симпатичные писателю, сажают деревья, спасают леса от порубки, и здесь всем памятен монолог Михаила Львовича Астрова, где истребление лесов связано с гибелью всего живого, а спасение лесов – залог будущего счастья человечества. Деревья – немые свидетели жизни человека, ее метафора: «Кругом все так таинственно, старые деревья стоят, молчат...», «Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!» (XII, 180, 181). Даже засохшее дерево у Чехова не лишается права на то, чтобы качаться вместе с другими: «Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так, и мне кажется, если я и умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе». (XII, 181). Из записной книжки в книжку трижды переписывает писатель фразу: «Разговор на другой планете о земле через 1000 лет: помнишь ли ты то белое дерево... (березу)» (XVII, 78, 117, 133).

М.Ч. Ларионова, говоря о смене социокультурных парадигм в «Трех сестрах», отмечает, что эта смена знаменуется словами Наташи «Значит, завтра я уже одна тут. (Вздыхает). Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потом вот этот клен» (XIII, 186) [Ларионова, с. 110]. Очевидно сходство с финалом «Вишневого сада» «...только слышно, как в саду топором стучат по дереву». В традиционном сознании рубка деревьев была строго регламентирована, а нарушение запретов влекло наказания в виде болезней, безумия, тяжелого увечья и т.п. По народным поверьям, срубившего здоровое плодовое дерево ожидала верная смерть [Усачева]. «Срубание дерева плодового было включено в списки грехов, бытовавших в древнеславянской письменности» [Агапкина, с. 72]. Сакрализация деревьев, поклонение перед плодовыми деревьями было характерно не только для славянского населения Юга, но и для многих народов, населявших Северный Кавказ [Хабекирова, Мусукаева]. Нарушение запретов на рубку плодовых деревьев вызывает апокалиптические ассоциации: последняя пьеса А.П. Чехова предстает как версия

русского мистического Откровения [Димитров]. Напомним, что в Апокалипсисе Иоанна Богослова четыре Ангела, которым дано «вредить земле и морю» удерживаются до времени: «Не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям» [Откр. 7, 3]. Это была отсрочка, которой в «Вишневом саде» приходит конец.

В.В. Гульченко предлагает взглянуть на сюжет пьесы «как на историю “грядущего Хама”, ставшего-таки *нагрянувшим*» [Гульченко, 2014, с. 125]. Итак, что же произошло с садами в пятом действии «Вишневого сада», то есть в наше время, которое можно рассматривать как «*прямое продолжение* великой чеховской пьесы» [Гульченко, с. 128]?

Друг А.П. Чехова И.А. Бунин, кому выпало переживать окаянные дни в России, с болью отмечает: «*Мужики все рубят и рубят леса*», «*Нет никого материальней нашего народа. Все сады рубят*» [Бунин, с. 27, 33].

Наиболее близки по времени к чеховскому саду крымские сады, разоренные персонажами эпопеи Ивана Шмелева «Солнце мертвых» (1923). Парни с Путиловского завода, вологодские матросы под звуки «барыни» вырубают в пору цветения прекрасные миндальные сады, на которые доктор Михайла Васильич положил сорок лет своей жизни: «*Когда я сюда приехал, я выбрал пустырь, голый бугор, на котором нельзя было стоять, когда задует от Чатырдага... Пожил я в миндальных своих садах... светлых и чистых... каждую весну цвели, давали радость*» [Шмелев, с. 221]. Подражают «строителям новой жизни» озорники-мальчишки: «*Вы что тут делаете?! разве можно пилить садовое дерево?! – заругалась на них учительница Прибытка, – Ведь не можно садовое дерево? сколько уходу было... А страху нет*» [Шмелев, с. 187]. Бестактность Лопахина, не дождавшегося отъезда хозяев, выглядит почти верхом приличия по сравнению с глумливой торопливостью матросов в восемнадцатом: «*“У вас сады огромные? кровь народную пьете... исплатация?” <...> Допрашивают матросы: “А которое ваше дерево дорогое-любимое?” – А вот это! – А у них была груша от ливадийских сортов привита. – Ведите меня к груше “императрис”! – А те смеются. Привели. – Самая эта? – Эта. – Только зацветать собирается! Дюжий один ка-ак насутужился... – рраз, с корнями! – Вот вам – “императрис”! Из винтовки двое пришли – враз. Контрицанер! Гляжу – готов генерал Синявин, Михаил Петрович!»* [Шмелев, с. 310]. Эпопея И. Шмелева не только изобилует отсылками к чеховским темам и персонажам, она вся – диалог с А.П. Чеховым, совместная дума о судьбе страны: «*Вырублены деревья. Я вспоминаю Чехова... “Небо в алмазах”! Как бы он, совесть чуткая, теперь жил?! Чем бы жил?!*» [Шмелев, с. 331].

Страшный голод 1932–1933 гг., охвативший Украину, часть Казахстана, Поволжья, Урала и Южной Сибири, а также Чернозёмный округ, Дон и Кубань, о котором говорят «как процессе “доламывания” “классовых врагов”: казачества, старообрядцев, дворянства, украинских и тамбовских крестьян, всех кто представлял альтернативу существующей политической культуре» [Бондарь, Матвеев, с. 8], не был вызван ни погодными катаклизмами, ни войной – он был рукотворен. Выруб-

ка плодовых деревьев была частью мер по борьбе с «кулачеством», его устрашению и деморализации. Вот как об этом вспоминают выжившие: «У нас пустая станица была, выслали. В 1933 г. стали белорусов к нам завозить. Они рубили кресты на кладбище, жгли, сады повыврубили» [Историческая память, с. 342].

Вырубка плодовых деревьев, как один из способов лишения местного населения продуктовой базы, была придумана гораздо раньше, чем советская власть пришла в эти края. Этот способ применялся солдатами русской армии, пришедшими на Кавказ, чтобы сломить сопротивление горных народов. Об этом с болью пишет Л.Н. Толстой в повести «Хаджи Мурат»: «Он только что вернулся с своего пчельника. Бывшие там два стожка сена были сожжены; были поломаны и обожжены посаженные стариком и выхоженные абрикосовые и вишневые деревья и, главное, сожжены все ульи с пчелами» [Толстой Л.Н., с. 413]. Этот же грустный мотив звучит и в произведениях о Кавказе Василия Немировича-Данченко: «Черкесы вообще не трогают фруктовых деревьев. В этом отношении они не похожи на нас, – говорит князь Иван молодому офицеру в исторической повести «Поднебесный аул». – Мы вырубаем взлелеянные ими сады, они же называют их благословениями Аллаха. Помните, в прошлую экспедицию мы уничтожили их искусственные поливки. Ну – а вот теперь, когда они уйдут, вы увидите: ни одна канавка не будет зарыта» [Немирович-Данченко, с. 116]².

Нарушение вековых запретов, обучение мужчин, выросших в центральных областях Русской равнины, рубить и жечь сады, в XX в. обернется против самого народа, породившего этих мужчин. Вот еще одна пронзительная цитата из романа Вас. Немировича-Данченко «Рыцари гор»: «По долинам и ущельям каждый селился, где хотел. Жилье от жилья, род от рода раскидывались на версты. Окутанные ревнивою зеленью карагачей, вишен, миндаля, персиковых и грушевых деревьев, земляные сакли в одиночку казались гнездами, свитыми домовою птицей в чаще, куда с трудом проникало солнце. Громадные шелковицы и инжирные голлафы, орешники и каштаны сплывались вокруг непроницаемую, виноградом перевитую стеною. Часто на этих местах, вместо недавнего рая, чернели следы пожарища. Засытанные углем лысины, обгоревшие пни свидетельствовали, что еще недавно здесь прошли русские в мстительном набеге, уничтожая все перед собою» [Немирович-Данченко, с. 291].

Но вернемся к Кубани. Переселившиеся на Кубань запорожцы еще помнили ордера, выданные канцелярией Запорожской Сечи на посадки деревьев, в особенности «плодовитых», а также на их охрану. А.А. Скальковский в своей книге «История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского» (1840) пишет не только о запрещениях рубить обычные деревья, но и о запрете на уничтожение плодовых деревьев. Порубщикам грозило наряду с «истязанием божиим» и наказание от Запорожского Коша. Дерево, «в пользу общую ежегодно дающее плод», именовалось «родючим» и находилось под защитой казаков. Кубань к концу XIX в. представляла собой огромный сад. Отчасти это стало возможным из-за

того, что казаки не уничтожили садов, оставленных на Таманском полуострове турками и татарами, которые в свою очередь, унаследовали эти сады от итальянцев и греков. Стараниями и самих казаков, и казачьей администрации, завозившей виноградные лозы и черенки плодовых деревьев из Крыма в огромном количестве [Щербина, с. 673], город Екатеринодар и станицы края к концу XIX в. были превращены в огромный сад. Несмотря на дешевизну фруктов в период с 1819 по 1829 г. в 4 округах Черноморья было продано фруктов на 18700 рублей [Ратушняк, с. 61] – цифра огромная по тем временам.

После 1864 г., по мере заселения земель, отобранных у коренных обитателей Закубанья, их сады истреблялись, что позволило А.Я. Апостолу, выдающемуся климатологу и метеорологу, исследователю Северного Кавказа, в 1987 г. сказать: «Русские поселенцы, занявшие пепелища горцев, отнеслись к оставленным сокровищам с непонятной, ничем не оправдываемой жестокостью. Мало того, что эти сады остались без поддержки на произвол стихиям и диким зверям, они подверглись еще со стороны человека истреблению наравне с дикими деревьями. <...>Медведи и дикие свиньи являются после человека главными врагами фруктовых деревьев» [Апостолов, с. 203–204].

После вырубки кубанских садов и почти поголовного истребления казачьего населения, новые хозяева Кубани стали по-своему обживать эти земли. Наступила пора, когда вишнёвые садоочки заменили на вишневые сады – т. е. промышленные сады, принадлежавшие колхозам и совхозам. Плодовые деревья, росшие во дворах хозяев, в СССР облагались налогами, их приходилось рубить, а чтобы не остаться без фруктов, на улице перед домом высаживать в палисадниках фруктовые деревья, которые как бы никому не принадлежали. В крае вырубали виноградники и засаживали тысячи гектаров... хлопком, который, конечно же, не вызревал и его скашивали как траву. Если при стечении благоприятных условий часть хлопка все-таки вызревала, то осенью, отличающейся на Кубани сильными ветрами, хлопок просто выдувало из коробочек и собрать его не представлялось возможным. Еще одна новинка – рисосеяние – привела к заболачиванию ценнейших почв, а химикаты уничтожили огромное количества ценных пород рыб, животных, птиц и растений. Человек тоже болеет и умирает. По данным «Деловой газеты» от 19 мая 2011 г., ежедневно на Кубани от рака умирают 30 человек. [http://www.dg-yug.ru/a/2011/05/19/Ezhednevno_ot_raka_na_Kuba].

Сады российского Юга – это сады не только Кубани, но и Дона. Уникальные виноградники Цымлы³ оплакал в своих трудах замечательный советский биолог и ампелограф Александр Иванович Потапенко (1922–2010)⁴. Старейшие в Европе виноградники, располагавшиеся на площади в 2000 га, в нижней половине 80-метрового крутого берега, не нужно было ни орошать, ни удобрять: водоупорный слой морских глин, залегавший здесь, давал выход многочисленным родникам, в воде которых содержались все необходимые соли. Уникальность цымлянских склонов была и в том, что водоупорный пласт глины залегал строго го-

ризонгально, и потому родниковые воды сочились равномерно на протяжении более десяти километров, а под плащом наносных (делювиальных) почв эти воды еще и согревали грунт в зимнее время, избавляя корни от вымерзания. Ко времени строительства Цымлянского гидроузла в начале 50-х гг. XX в. Институтом виноградарства, где понимали уникальность удивительного памятника виноградарства, в правительство было направлено разъяснение с предложением перенести плотину несколько севернее. Экологическое чудо, не знавшее ни истощения, ни вредителей,⁵ было затоплено в 1952 г. Другие старинные виноградники по правому берегу Дона ниже цымлянской плотины были попросту заброшены из-за неудобства ухода [Чалых].

В пьесе классика рубка плодовых деревьев стала метафорой гибели всего прежнего образа жизни, метафорой смены социокультурной парадигмы, символом коренного слома в сознании людей, снятии вековых культурных запретов. Весь XX в. в России и его преемнике СССР вырубали сады и леса, поворачивали реки, обрекая землю на опустошение. Сегодня, в начале XXI в., теперь уже в Российской Федерации, редкая лента новостей проходит без крика боли о гибнущих парках, скверах, рощах, лесополосах и отдельных деревьях, топор продолжает рубить, обрашая в пустыню цветущую некогда райским садом землю⁶.

Если говорить в религиозных терминах, Человек, которому Бог поручил сад Едемский, чтобы возделывать и хранить его [Быт. 2, 15], на сегодняшний день со своей задачей не справляется, усугубляя не только страдания и мучения «всей твари», но и себе подобных [Рим. 19]. Немедленная прагматическая выгода, как и в случае с планом Лопихина, продолжает прельщать и одерживать верх над доводами, опирающимися на вселенскую положительную-преобразующую и созидательную роль мысли и деятельности, к которой призван человек.

Примечания

¹ Здесь и далее произведения А.П. Чехова цитируются по полному собранию сочинений писателя в 30 т.; в круглых скобках указаны том и страница.

² О рубке садов невозможно говорить отдельно от вырубки деревьев на Кавказе как об одном из методов борьбы с местным населением. Идея делать огромные просеки, по свидетельству историков (см. В. А. Потто. Кавказская война. Том 2. Ермоловское время. М.: Центрполиграф, 2008), принадлежит начальнику штаба генерала Ермолова полковнику А.А. Вельяминову. Рациональный и холодный, он характеризуется современниками как человек, которому было чуждо сострадание, его строгость доходила до холодной жестокости с долей цинизма – таков был этот честный и верный слуга государя, по мнению генерала Филипсона (Гордин А.Я. Кавказ: земля и кровь. Электронный ресурс. Режим доступа URL http://budetinteresno.narod.ru/kraeved/kavkaz_gordin_5.htm). Хрупкая природа Кавказа и сегодня страдает от вырубки леса, во многих районах точка невозврата уже пройдена.

³ Невольно вспоминаются строки А.С. Пушкина из романа «Евгений Онегин»: *«Да вот в бутылке засмоленной, / Между жарким и бланман-*

же, / Цымлянское несут уже... / Освободясь от пробки влажной, Бутылка хлопнула; вино / Шипит...»

⁴ Его доводы о том, что казачье виноградарство началось не триста, а более тысячи лет тому назад и корнями уходит в историю Хазарии, нашли горячую поддержку Л.Н. Гумилева, при содействии которого были опубликованы книги Потапенко «Старожил земли русской» (1976), «Виноград на Волге и Дону» (1989). В 2006 г. вышел обобщающий труд на эту тему «Русь и Хазария в свете истории виноградарства и садоводства».

⁵ Страшная беда виноградарства – американская корневая гня филлоксеры не переносит подпочвенного увлажнения. Борьба же с ней пестицидами практически невозможно, поскольку гня защищена толщей почвы. Вот почему старинные казачьи виноградники филлоксеры поразить не могла.

⁶ Так в Краснодаре, в 2014 г. в выходной день, в разгар знойного лета на глазах у гуляющих горожан и их детей спилили совершенно здоровые 50-60-летние клены, ясени, липы – деревья, дававшие столь желанную тень. О переменах в городе-саде лучше всего написал замечательный краевед В. Барадым в своей книге «Здесь свежесть зелени и зеркальность вод...: Сады и рощи Екатеринодара» Краснодар, 2002. Вакханалия вырубки продолжается по всему Югу от Сочи до Ялты, где застроены уникальные парки. Об уроне, наносимом Кавказскому экологическому заповеднику, кричат краснодарские экологи, достаточно обратиться к сайту Экологической Вахты по Северному Кавказу (<http://www.ewnc.org>). Этот сайт имеет разделы, посвященные экологической ситуации в Адыгее, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Краснодарском крае, Ростовской области, Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии.

Литература

Агапкина Т.А. Дерево плодое // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. М., 1999.

Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области. Краснодар, 2010.

Бондарь Н.И., Матвеев О.В. Предисловие // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г. материалы научно-практ. конф. Краснодар, 2009.

Бунин И.А. Окаянные дни. Повести. Рассказы. Воспоминания. М., 2003.

Гульченко В.В. «22 несчастья» – 22 августа – 31 пауза (Знаки катастрофы в пьесе Чехова «Вишневый сад») // Наследие А.П. Скафтымова и поэтика чеховской драматургии: материалы Первых Междунар. Скафтымовских чтений. М., 2014.

Димитров Л. Все-Вишневый сад // Чеховиана. «Звук лопнувшей струны»: к 100-летию пьесы «Вишневый сад». М., 2005.

Долженков П.Н. «Как приятно играть на мандолине!»: О комедии Чехова «Вишневый сад». М., 2008.

Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г.: материалы науч.-практ. конф. Краснодар, 2009.

Катаев В.Б. «Вишневый сад» как элемент национальной мифологии // Чеховиана. «Звук лопнувшей струны»: к 100-летию пьесы «Вишневый сад». М., 2005.

Ларионова М.Ч. Чеховские персонажи в контексте фольклора (Пьеса А.П. Чехова «Три сестры») // А.П. Чехов: русская и национальные литературы: материалы междунар. науч.-практ. конф. Ереван, 2010.

Народні Пісні в записях Марка Вовчка. Двісті українських пісень. Київ, 1979.

Немирович-Данченко В.И. Рыцари гор: избр. произведения: в 2 т. Т. 1. Нальчик, 1998.

Ратушняк В.Н. История кубанского казачества. Краснодар, 2013.

Станиславский К.С. Воспоминания // Чехов в воспоминаниях современников. М., 2005.

Толстой А.К. Полное собрание стихотворений: в 2-х т. Т. 1.: Стихотворения и поэмы. Л., 1984.

Толстой Л.Н. Собрание соч. Т. 7. Хаджи Мурат. М., 2006.

Усачева В.В. Рубить // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. М., 2009.

Хабекирова Х.А., Мусукаев А.И. Мир дерева в культуре адыгов: этнокультурологические воззрения народа. Нальчик, 2001.

Чалых А. Цымлянская цивилизация // Казарла. 2011. № 1 (8).

Шмелев И.С. Солнце мертвых. М., 2014.

Щербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. Т. 2. Краснодар, 2013

References

Agapkina T.A. Derevo plodovoe // Slavyanskije drevnosti: Etnologivsticheskie slovar': v 5 t. Т. 2. М., 1999.

Apostolov L.Ya. Geograficheskii ocherk Kubanskoi oblasti. Krasnodar, 2010.

Bondar' N.I., Matveev O.V. Predislovie // Istoricheskaya pamyat' naseleniya Yuga Rossii o golode 1932–1933 gg.: materialy nauch.-prakt. konf. Krasnodar, 2009.

Bunin I.A. Okayannye dni. Povesti. Rasskazy. Vospominaniya. М., 2003.

Chalykh A. Tsymlyanskaya tsivilizatsiya // Kazarla. 2011. № 1 (8).

Dimitrov L. Vse-Vyshnevyy sad // Chekhoviana. «Zvuk lopnuvshei struny»: k 100-letiyu p'esy «Vishnevyy sad». М., 2005.

Dolzhenkov P.N. «Kak priyatno igrat' na mandoline!»: O komedii Chekhova «Vishnevyy sad». М., 2008.

Gul'chenko V.V. «22 neschast'ya» – 22 avgusta – 31 pauza (Znaki katastrofy v p'ese Chekhova «Vishnevyy sad») // Nasledie A.P. Skaftymova i poetika chekhovskoi dramaturgii: Materialy Pervykh Mezhdunar. Skaftymovskikh chtenii. М., 2014.

Istoricheskaya pamyat' naseleniya Yuga Rossii o golode 1932–1933 gg. Materialy nauch.-prakt. konf. Krasnodar, 2009.

Kataev V.B. «Vishnevyy sad» kak element natsional'noi mifologii // Chekhoviana. «Zvuk lopnuvshei struny»: k 100-letiyu p'esy «Vishnevyy sad». М., 2005.

Khabekirova Kh.A., Musukaev A.I. Мир дерева в культуре адыгов: этнокультурологические воззрения народа. Нал'чик, 2001.

Larionova M.Ch. Chekhovskie personazhi v kontekste fol'klora (P'esa A.P. Chekhova «Tri sestry») // A.P. Chekhov: russkaya i natsional'nye literatury: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Erevan, 2010.

Narodni Pisni v zapisakh Marka Vovchka. Dvisti ukrains'kikh pisen'. Kiiv, 1979.

Nemirovich-Danchenko V.I. Rytsari gor. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. T. 1. Nal'chik, 1998.

Ratushnyak V.N. Istoriya kubanskogo kazachestva. Krasnodar, 2013. 416 s.

Stanislavskii K.S. Vospominaniya // Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov. M., 2005.

Shmelev I.S. Solntse mertvykh. M., 2014.

Shcherbina F.A. Istoriya kubanskogo kazach'ego voiska. T. 2. Krasnodar, 2013 g.

Tolstoi A.K. Polnoe sobranie stikhotvorenii: v 2 t. T. 1: Stikhotvoreniya i poemy. L., 1984.

Tolstoi L.N. Sobranie soch. T. 7. Khadzi Murat. M., 2006.

Usacheva V.V. Rubit' // Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheski slovar': v 5 t. T. 4. M., 2009.

O.V. Spachil (Krasnodar, Russian Federation)

A.P. Chekhov's The Cherry Orchard and Gardens of the Russian South at the end of the 19th – Beginning of the 20th Century.

Starting with the second half of the 19th century and throughout the 20th century Russian literature (L.N. Tolstoy, V.I. Nemirovich-Danchenko, A.P. Chekhov, I.A. Bunin, I.S. Shmelev) discussed the theme of barbaric destruction of trees, removal of age-old restrictions for cutting down gardens and fruit trees. Very often the damage done to trees was connected with social cataclysms such as War in the Caucasus, Revolution and Civil War. A.P. Chekhov loved trees and the way his characters treat trees is an eloquent characteristics in A.P. Chekhov's plays. While doctor Mikhail Astrov in *Uncle Vanya* grows forests, Natasha from *The Three Sisters* looks forward to chopping down the maple tree and the alley of fir trees. The last remark of *The Cherry Orchard* "there is only the thud of an ax on a tree" serves as prologue to an imaginary Act V which is the subsequent history of Russia. In A.P. Chekhov's play the cut down cherry trees symbolized a dramatic change of social and cultural paradigm. For new rulers of Russia immediate pragmatic benefit, as was the case with Lopakhin's plan in the famous play, continues to seduce and prevail in human thinking and decision-making. Thus beautiful vineyards of Tsymla, considered to be a miracle, were destroyed without any possibility of restoration. Kuban was turned into an experimental field for growth of rice and cotton, causing air and water pollution, skyrocketing death rate among the people living in the area. Apocalyptic associations arise showing that human beings today do not cope with their universal mission to protect and cultivate Garden of Eden created for Mankind.

Key words: *A.P. Chekhov, The Cherry Orchard, cherry orchards as a cultural realia of the Russian South, a garden, a fruit tree.*

Spachil Olga Viktorovna – candidate of linguistics, professor assistant. English philology dpt. Kuban state university. E-mail: spachil.olga0@gmail.com. Phone +7-918-397-4405